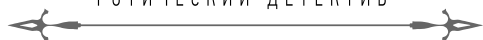

ГОТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

АННА
ВЕЛЕС

ЛЮБОВНОЕ
ПРОКЛЯТИЕ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В27

Оформление серии *А. Дурасова*

Велес, Анна.

В27 *Любовное проклятие* / Анна Велес. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Готический
детектив).

ISBN 978-5-699-95564-0

К Елене Давыдовой, хозяйке «Бюро магических услуг», обратился за помощью ее бывший одноклассник, ныне сотрудник спецслужб. В городе произошло несколько странных убийств, и он подозревает, что Елена с ними связана, ведь все убитые когда-то состояли с ней в любовной связи, а их смерти не поддаются рациональному объяснению. Елена и ее друзья по «Бюро» начали свое расследование, и оно привело их к ошеломляющему выводу: убийца — женщина, очень похожая на Елену, которая за что-то мстит ей таким страшным способом. Теперь Елена не остановится, пока не встретится с незнакомкой лицом к лицу, ведь ей брошен настоящий вызов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95564-0

© Велес А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

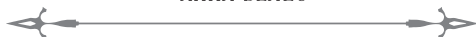
ПРОЛОГ

Черная громада неба пульсировала дождем. Капли мерно стучали по железному подоконнику и глади окна, играя какой-то странный марш. Бушующая стихия не могла проникнуть в комнату, но ее дыхание все же заполняло маленькое пространство, маленький мирок, спрятавшийся в коробке стен.

Электричество не включали, зато вместо огромных неживых ламп горели свечи. Их маленькие огоньки были не в состоянии разогнать тьму, но окрашивали ее в сумрак. Язычки пламени дрожали, и странные вытянутые тени плясали по стенам. Ночь за окном, стук дождя, свет свечей — все это рождало атмосферу таинственности и волшебства, заставляло отрываться от действительности и уходить куда-то в глубь тайн природы и Вселенной.

Он любил такие вечера. Их магию, их напряженный покой и ритуальный уют. Он полностью растворялся в них и был счастлив. Но только не в этот вечер.

Сегодня атмосфера сумрака давила на него, пугала, заставляла тревожиться. Он вжался

в глубины кресла и напряженно ждал чего-то ужасного, непостижимого. Возможно, смертельного.

Напротив него в таком же кресле сидела она. Хрупкая и нежная с виду, эта девушка излучала невиданную силу. Сила составляла истинную сущность его гостя. И сила эта была темной. Именно она сломала покой и уют, именно она превратила его мирок в страшную, смертельную ловушку.

Девушка смотрела ему в глаза злым, пронзительным взглядом, от которого холодный пот выступал у него на лбу. Она медленно, плавно подносила к губам бокал, наполненный красным вином. И его терзала шальная мысль, будто вместо терпкого сока винограда она пьет его кровь. Странная гостя представлялась ему сейчас частью тьмы, что рвалась в окна, что плясала на стенах в виде безумных теней. И этот шаманский танец был наполнен ритмом дыхания женщины, которая сидела напротив.

Она улыбалась, неприятно, жестко. Она чувствовала, как растет его страх, вытесняя сознание. И она помогала этой жути завоевать его душу. Ловушка почти захлопнулась, и он метался, как загнанный зверь, он не сдавался, надеясь на чудо.

— Александр. — В устах женщины его имя звучало протяжно и мягко, как песня, но, слыша его, он терял силы, будто получал удар

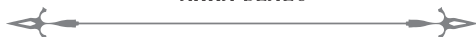
острием кинжала. — Я даю тебе выбор. Мое предложение несет огромную выгоду. Власть. Разве ты не хочешь власти, Александр?

Ее вкрадчивый, тягучий говор завораживал, отнимал волю, подчинял. Но он не хотел ее слушать. Не было у него выбора. Не нужна ему та власть, которую она предлагает. Слишком глубока та Тьма, что стоит за странной гостьей. Не может быть власти, только кабала, вечное рабство, которое хуже смерти.

В горле пересохло, и говорить он не мог. Лишь отчаянно замотал головой. А она читала его мысли, пила его страх. Нет, ей нельзя подчиняться. Это хуже, чем продать душу Дьяволу.

Она рассмеялась. Торжествуя, зло. Она была уверена, что выиграет. И этот смех дал ему волю к сопротивлению. В его измученной и запуганной душе родилась ненависть. Так бывает, когда раненого зверя загоняют в угол. Он уже знает, что ему суждено умереть, но свою смерть собирается продать задорого. Унести с собой несколько жизней врагов.

Александр понимал, что его сил недостаточно, чтобы ее уничтожить. Но все же ненависть давала шанс вырваться. Что-то глубокое, древнее вспыхнуло в душе, заглушая страх и оттесняя власть Тьмы. Александр почувствовал, как разум затягивает новая паутина. На этот раз более знакомая, спасительная, такая важная в этот момент. И он позволил себе упасть

в сети новой силы, отдал себя ей. Откуда-то пришли слова, они сами сплетались во фразы. Непонятные, незнакомые, они несли силу, обещали освобождение. Пришло ликование, казалось, победа так близка...

Но все внезапно прекратилось.

— Неплохо, — оценила его мучительница. — Я даже не думала, что ты можешь такое. Но, прости, это бесполезно.

Разочарование и отчаянье нахлынули удушающей волной. Слезы защипали глаза. Ужас возвращался. И теперь он был беспомощен перед Тьмой. От нее не убежать.

— Мне очень жаль, — проговорила гостья, но жалости-то в ее словах, конечно, не было. Только сила. Только злой расчет. — Ты сделал свой выбор. Теперь остается только попроситься.

Она взмахнула рукой. И мир начал рушиться. Не для всех, лишь для него.

Сумрак вдруг обрел плоть. Начал сгущаться и давить на Александра. Перехватило дыхание, немой крик застрял в горле. Взгляд гостьи стал еще пронзительнее. Как блестящий холодный клинок, он впивался в мозг, причиняя боль. Повеяло холодом. А сумрак продолжал сгущаться, набирал обороты жизни.

Безумные тени отделялись от стен, меняли формы, оживали. В агонии задержались язычки свечей. Что-то гулко ударило в окно.

Александр резко дернулся на звук. В со-

знание вплыли образы Булгакова. Несчастный и измученный, он ждал, что сейчас распахнется форточка, потянет запахом тины и зеленая, неимоверно длинная рука потянется к шпингалету. Но Геллочки в окне не было.

Тьма не признавала сказок. Ее подарки были страшнее. Тени полностью ожили. Громадными силуэтами выстроились они вдоль стен. И Александр начал различать их лица. Осознание стрелой пронзило мозг. Нет, он не знал этих теней, но откуда-то из глубин памяти пришли их имена. Ужас поглотил все. А мертвецы шагнули вперед. Холод и смрад лишили тело подвижности. Александр окаменел. И только сердце билось в клетке холода. Часто-часто. Оно все наращивало темп. Будто шаманский барабан во время кульминации обряда. Душа следила за бешеным ритмом, как будто чего-то ждала. И вот... удар пропущен. Миг тишины и небытия. А потом боль. Целый океан резкой, колючей боли. Что-то белесое мелькнуло перед мысленным взглядом, что-то новое, иное пронеслось по черному фону меж желтоватых огоньков. И все...

Она наблюдала, как обмякло в кресле его тело. Она улыбалась все той же победной, злой улыбкой. Все кончено. Допив вино, она встала, сладко потянувшись, как кошка после долгого и приятного сна. Пора уходить.

Тьма умчалась в ночь, а тени встали на место.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Очередной скучный мартовский день. Пасмурный, сырой и какой-то серый. Вернее, окрашенный во всевозможные оттенки этого бездушного, безжизненного цвета. Пустое, белесо-блеклое небо, облупившиеся однообразные домики позапрошлого века, сгрудившиеся, прижатые друг к другу в центре города, грязный осевший снег, позабывший былую девственно-чистую искрящуюся белизну, выползающий из-под него грубый потрескавшийся асфальт — все это казалось застывшим, притаившимся, замершим в испуге. И на фоне этой бездвижности острее чувствовался пульс города. Шорох шагов, нервозный гул моторов. Резкие крики растревоженных ворон и порывы злого весеннего ветра, уже лишённого зимнего холода, но по-прежнему острого и колючего.

Такие дни навевают скуку или возрождают тянущие душу воспоминания о чем-то несбывшемся, но таком желанном, недостижимом. Но ей нравилась эта застывшая серая жизнь, так похожая на «сумрак» романов Лукьяненко.

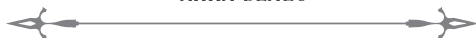

Она не верила в книжный мир магии, порождающий истину, но ей нравилась сама идея «сумеречного» марева, в котором скрыта реальная действительность. В такие дни она чувствовала себя спокойно. Даже умиротворенно. Серость действительности своими правильными линиями средневековых гравюр чем-то походила на ее собственный сумеречный внутренний мир. Такая гармония микро- и макрокосма ее вполне устраивала.

Она свернула под арку, пересекла дворик, сиротливо обрезанный со всех сторон кирпичом офисных зданий, построенных все в том же позапрошлом веке, перепрыгнула очередную лужу, машинально поздоровалась с облезлым одноухим черным котом и взбежала по ступенькам любимого кафе.

В зале царил полумрак. Искусственные сумерки, нерушимые в любое время суток. Было пусто, как всегда по утрам. Играл джаз. Элла Фицджеральд пела знаменитую «Summertime», такую подходящую к нарисованным на потолке звездам и абстракционизму множества миниатюр, рассеянных по стенам. Пахло свежесваренным кофе. Тоже очень подходяще.

Он вышел из курилки. Молча кивнул. Так же молча помог ей снять пальто. На столике, покрытом шотландской клеткой, стояли чашки и два бокала. В полумраке зала вино казалось темно-бордовым, как всегда — цвета крови.

— Кто? — спросила она. Равнодушно. Чуть устало. Смирившись заранее.

— Александр Михайлов. Помнишь такого?

Она кивнула. Взглянула в окно. Молча выпили. Не чокаясь.

— Когда? — опять спросила она, продолжая созерцать серый пейзаж унылого дворика.

— Вчера ночью.

— Как? — Она поморщилась. Ответ был очевиден.

— Убийство.

Кивнула. По-прежнему не глядя на него. Он молчал, вглядывался в ее лицо. Казалось, она мечтала о чем-то своем, мирном, спокойном, таком же сером, как и весь сегодняшний день, о сумеречном и прекрасном. Только морщинки у глаз стали чуть заметнее. Хотя, может быть, это от усталости. Или у нее приближался приступ мигрени. Он поморщился. Пауза затягивалась, ему в таких ситуациях всегда становилось неудобно.

— Его нашли в половине пятого утра. Повешен на люстре.

— Ну, что ж. — Она наконец-то подняла глаза, пожала плечами. — Банально и очевидно. Он, стоило ему принять лишнего, всегда рассказывал, что мечтает покончить счеты с жизнью именно так.

— Видимо, это он сообщал всем, кому ни попадя, — так же пожав плечами, проком-

ментировал он. — Как ты любишь повторять нашим клиентам, нужно быть осторожными в своих желаниях, иначе они могут исполниться.

— Но это, конечно же, не самоубийство. — В серых глазах мелькнула искра интереса. Он кивнул.

— Естественно, нет.

— А почему? — Она насмешливо улыбнулась. — Угол падения стула не тот, или тапка лежала не там, где должна?

— О тапках не знаю. Но экспертиза показала, что в петлю его засунули уже мертвым.

— Остановка сердца?

— Конечно.

— Понятно.

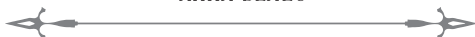
Она опять отвернулась к окну. Ему подумалось, что их разговоры со стороны выглядят очень странно. Будто двое незнакомцев делят столик по стечению обстоятельств. Или усталые любовники говорят о погоде, боясь произнести: «Прости. Я тебя разлюбил». Ему это не понравилось.

— Ты хоть что-нибудь чувствуешь?

Она посмотрела ему в глаза. Устало, почти равнодушно, как и в самом начале разговора. Пожала плечами.

— Только сожаление, — усмехнулась. — А чего ты ожидал? Слез и причитаний?

— Нет, но...

Ничего он не ожидал. Просто его немного пугала ее холодность, равнодушие, спокойствие. Еще хуже становилось от того, что он знал: это искренне, реально, а потому жестоко. Впрочем, ее саму в нем пугало то же отсутствие эмоций. Он знал и об этом, и это успокаивало.

Она легко дотронулась до его ладони. Почти машинально. По привычке.

— Это прошлое, далекое прошлое. Как другая жизнь. Хотя... любая смерть огорчает.

— Избавь меня от лекций по философии, — отмахнулся он. — Что делать будем?

— Ничего, — спокойно улыбнулась она. — Допьем кофе и пойдем на работу.

— Но, Елена, он уже третий. Неужели тебя это не настораживает?

— Настораживает. И что?

— Да ничего. — Он незаметно для себя перешел на правоучительный тон, который она ненавидела. — Вот объясни мне. Зачем нужен этот цинизм? Эти зверские инсценировки? Повешенье, там, и прочее. Извращенная жестокость!

— Ты становишься высокопарным, — насмешливо заметила она. — Это жестокость, не спорю. Извращенная, и с этим не поспоришь. А причина... Неужели ты не понимаешь? Это вызов.

— Кому? Миру? Вселенной? Господу богу?

— Всего лишь нам.

Она устало потеряла шею, чуть склонив голову. Он потрясенно молчал.

— Ты знаешь, — продолжила Елена, вертя в руках пустой бокал. — На каждый случай у нас стопроцентное алиби. Нас не подставляют. Нас не трогают вообще. Мы зрители.

— Нет, конечно, не трогают, — язвительно отозвался он. — Убиты трое твоих бывших любовников. Квартира каждого забита оккультной литературой и еще черт знает чем. Убийство совершают не совсем обычным способом. Тут у кого угодно появится мысль заняться нами. И вообще! Почему полиция тобой не интересуется?

— А тобой?

— Я-то тут при чем?! Я же с ними не спал.

— Ревность, милый. Не учел? — Ее глаза блеснули лукавством.

— А ведь правда. — Он по-мальчишески широко улыбнулся в ответ. — Я, по-моему, Александра и в глаза не видел. А вот Костика запросто мог убить. Лет, эдак, пять назад...

— И, кстати, в петлю-то она его не одна засовывала, — уже серьезно заметила Елена. — Их двое, Алек. А может, и больше.

Они закончили завтрак в молчании, не мешая друг другу размышлять. Зная, что потом все равно поделятся выводами. Как всегда.

Из-за стола поднялись одновременно, молча оделись и вышли на улицу. Она машинально